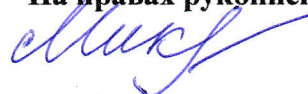

На правах рукописи

Микурова Полина Леонидовна

**ПЕРЕПИСКА Б. Л. ПАСТЕРНАКА И
О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ В БИОГРАФИЧЕСКОМ,
КУЛЬТУРНОМ, ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ**

Специальность: 10.01.01. – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре русской литературы Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

- Научный руководитель: Матвеева Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент.
- Официальные оппоненты: Колобов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, руководитель секретариата председателя Воронежской областной Думы
Акимова Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
- Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный университет»

Защита состоится «5» сентября 2022 года в 17 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 850.007.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 3, ауд. 3406.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 3 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpu.ru

Автореферат разослан « _____ » _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.А. Канунникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Усиление интереса к эпистолярию отечественных писателей XX века – заметная тенденция современного литературоведения. Эпистолярное наследие русского поэта, Нобелевского лауреата Б. Л. Пастернака и его двоюродной сестры, выдающегося филолога О. М. Фрейденберг представляет собой богатый с точки зрения биографии, целостного восприятия творчества Б. Л. Пастернака и научных трудов О. М. Фрейденберг материал. Письма Пастернака и Фрейденберг – это не только часть их наследия, но и документы русской истории, быта советской эпохи, ценный первоисточник для понимания творчества Пастернака, литературного процесса XX века в целом и специфики развития советской культуры в частности.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, значимостью эпистолярного наследия Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг для понимания отечественной литературы и культуры, для эстетических исканий корреспондентов, воплотившихся в художественном творчестве и научных трудах. Во-вторых, актуальными представляются систематизация писем двух выдающихся фигур в тематическом ключе, выделение в переписке биографического, исторического, историко-литературного и шире – культурного пластов. Важно представить взгляды корреспондентов относительно этой классификации в эволюции, в контексте современного им литературного, политического и исторического процессов. В-третьих, настоящая работа вводит в научный оборот некоторые факты из жизни поэта и ученого, их суждения о жизни, искусстве, политике, которые соотносятся с творчеством Пастернака и ощутимо расширяют границы понимания и трактовки его произведений, являя в итоге феномен, соотносящийся с междисциплинарным понятием «дискурс».

Степень научной разработанности проблемы. Интерес к эго-тексту в целом и эпистолярному наследию писателей и поэтов в частности в отечественной филологической науке высок. Широко изучена переписка Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого, И. С. Аксакова, А. П. Чехова, А. Белого, А. А. Блока, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой, Б. Л. Пастернака, А. И. Солженицына и многих других. Среди исследователей, занимающихся изучением эпистолярия как обширного материала для понимания художественных взглядов корреспондентов, необходимо назвать С. А. Джанумова (Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь), И. А. Беляеву (письма матери И. С. Тургенева), Н. В. Логунову (эпистолярный XVIII–XIX вв.), Е. В. Сартакова (Н. В. Гоголь), А. И. Смирнову (В. П. Астафьев), Л. В. Суматохину (М. Горький, Б. Л. Пастернак)¹ и др. Профессор Н. В. Сапожникова, показывая, как в письмах русских писателей, общественных и политических деятелей XIX века сквозь личное послание высвечиваются философское осмысление эпохи, проблемы личности, власти и духовной свободы, рассматривает эпистолярный дискурс как философский нарратив².

В современной научной литературе в большей степени представлен лингвистический ракурс исследования эпистолярия. Л. В. Баранчикова, Л. С. Борисова, Р. В. Ермаков, Ю. В. Макаркина, Т. С. Наумова³ и другие

---

¹ Джанумов С. А. Фольклор в статьях и письмах Н. В. Гоголя. М.: МГПУ, 2011. 119 с.; Беляева И. А. Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К // Известия российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 60–67; Смирнова А. И. От письма к «эпистолярному дневнику»: по книге В. П. Астафьева «Нет мне ответа...» // Гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 255–261; Суматохина Л. В. Лики Америки в письмах и публицистике М. Горького 1906 года // Горьковские чтения – 2006. Мат-лы Междунар. конф. Н./ Новгород, 2008. С. 342–348.

² Сапожникова Н. В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса. Дисс. ... доктора философ. наук. Екатеринбург, 2005. 338 с.

³ Макаркина Ю. В. Эпистолярное наследие Б. Пастернака: композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание. Дис. .... канд. филол. наук. Орел. 2000. 205 с.; Борисова Л. С. Формирование принципов художественного письма в эпистолярном наследии Бориса Пастернака // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2007. № 2. Т. 7. С. 75–81; Козлова О. Д., Кушнина Л. В. Эго-текст в культурно-речевом пространстве // Современные проблемы науки и образования.

специалисты изучают эпистолярное наследие с точки зрения языковых жанров и средств, функциональной стилистики, коммуникативных стратегий, а также рассматривают эпистолярный через призму понятия «дискурс». Много сделала для изучения эпистолярия профессор О. П. Фесенко, которая определила его статус как «межличностные отношения между автором и адресатом», функционирующие «в определенной национальной и временной традиции»¹, систематизировала речевые жанры эпистолярных текстов, выделила особого рода дискурсивный гипержанр.

Эго-тексту как объекту междисциплинарного исследования, как документу эпохи и средству коммуникации уделяется внимание в трудах М. Ю. Михеева, В. В. Колобова². В работах Е. Г. Падериной, О. Д. Козловой, Л. В. Кушнина, Н. В. Логуновой, А. И. Смирновой, К. В. Фокиной³, посвященных проблеме жанров эпистоляриев XVIII–XIX веков, дружеские, любовные, родственные письма исследуются с позиций эго-текста, обращенного внутрь авторского сознания. Ученые комментируют рефлексивную составляющую авторов, которые в рамках эпистолярного общения пытаются понять смысл жизни, оценить особенности социальной, исторической, политической, культурной сфер сквозь призму собственного Я.

2012. № 4. URL; Ермаков Р. В. Языковые особенности афоризмов И. С. Тургенева в эпистолярном наследии // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. Вып. 3–2; Наумова Т. С. Коммуникативные особенности эпистолярного творчества Л. Н. Толстого (на материале переписки с русскими писателями) // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. статей VI Межд. науч.-практич. конф. М.: МФА, 2007. Ч. 1. С. 300–305.

¹ Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23 (124). С. 140.

² Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей, 2007; Колобов В. В. Проблема жанра дневника и самоидентификация писателя // Современные проблемы социальной коммуникации и журналистской деятельности. Сб. науч. ст. Псков, 2019. С. 43–61.

³ Падерина Е. Г. К вопросу о типе дискурса «Выбранных мест из переписки в друзьях» Н. В. Гоголя // Эстетический дискурс. Новосибирск, 1991. С. 99–107; Козлова О. Д., Кушнина Л. В. Эго-текст в культурно-речевом пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2012; Логунова Н. В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 167 с.; Фокина К. В. Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе (на материале писем швейцарского писателя XX века Макса Фриша): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 22 с.

Историко-литературный контекст, литературные портреты писателей в переписке творческой интеллигенции XX века представлены в работе И. Г. Гуляковой¹. Проблемы источниковедения и комментирования писем писателей XX века затрагивают в своих работах Л. В. Суматохина и О. В. Быстрова².

Работ, посвященных переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг, в научном обороте пока немного, большая их часть носит обзорный характер, чаще всего авторы рассматривают письма с лингвистической точки зрения³. В литературоведческих работах дается высокая, но общая оценка значимости переписки, отмечается уникальная душевная близость кузенов, изучаются факты их жизни, отраженные в переписке и подтвержденные ею.

Среди наиболее значимых работ, имеющих объектом исследований тексты писем Пастернака и Фрейденберг, необходимо назвать труды А. И. Шмаиной-Великановой, Н. В. Кожевниковой, А. Ю. Сергеевой-Клятис, Н. Б. Ивановой⁴, а также Л. С. Борисовой, Н. В. Брагинской, П. А. Дружинина, Н. Ю. Костенко, Е. И. Куган, Е. Б. Пастернака, К. М. Поливанова. Важный вклад в изучение переписки внесли статьи Н. М. Перлиной и А. А. Никоновой⁵;

---

¹ Гулякова И. Г. Литературный портрет в эпистолярном тексте: на материале писем творческой интеллигенции 2-й половины XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. СПб.: изд-во СПбУ. 2002. Вып. 4. С. 104–111.

² Суматохина Л. В. «...Он напишет русского Уленшпигеля»: неизвестные письма Б. В. Шергина и В. Я. Зазубрина М. Горькому // Литературная учеба. 2014. № 1. С. 168–178; Быстрова О. В. Проблемы комментирования писем А. М. Горького 1929–1930 гг.: по мат-лам тома 19 полн. собр. соч. М. Горького (серия «Письма») // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 117–128.

³ Макаркина Ю. В. Указ. соч.; Борисова Л. С. Указ. соч.

⁴ Шмаина-Великанова А. И., Брагинская Н. В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории. Мат-лы XXIII Лотмановских чтений. 2017. № 4 (25); Кожевникова Н. В. Как древний эпос: О письмах и взаимоотношениях людей исчезнувшей навсегда страны // Независимая газета. 2001. 25 окт.; Сергеева-Клятис А. Ю. Пастернак в жизни. М.: АСТ, 2015; Иванова Н. Б. Борис Пастернак. Времена жизни. М.: Время, 2007. 464 с.

⁵ Перлина Н. Избирательное сродство: Вчувствование как осмысление духовной истории в творчестве Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака. *Indiana Slavic Studies*. Ed. N. Perlina and A. R. Durkin. 1996. Vol. 8. С. 71–98; Никонова А. А. Игра в четыре руки, или уроки эпистолярного наследия // Феномен российской интеллигенции: История и психология: Мат-лы Межд. науч. конф., 24–25 мая 2000 г. СПб.: Нестор, 2000. С. 121–126.

статья К. М. Поливанова «Отечественная пастернакиана за 10 лет». В статье Перлиной подчеркивается связь между биографическим компонентом и его творческой реализацией. Работы Брагинской ценны обращением к биографии и научной деятельности Фрейденберг¹. Шмаина-Великанова сделала акцент на духовной близости кузенов и интеллектуальной составляющей их переписки. Ценные сведения о переписке Пастернака с родителями, о понимании поэтом взаимодействия действительности с творчеством, о философско-эстетических взглядах поэта содержатся в работах А. С. Акимовой². Среди иностранных авторов правомерно выделить З. Збировского, который осветил вопросы связи Пастернака с литературной традицией, подкрепив свои суждения письмами поэта³.

Несмотря на безусловную значимость работ, ни в одной из них не прослежен достаточно полно и последовательно содержательный аспект переписки, не выявлены и не систематизированы основные «сюжетообразующие» линии переписки, круг обсуждаемых проблем. Кроме того, ни в одной из названных работ не поднимается вопрос о принципах анализа эпистолярного текста, не описывается исследовательская модель рассмотрения эпистолярного текста как единого текста, создаваемого двумя авторами. В перечисленных исследованиях уделяется недостаточно внимания вопросам рождения замысла и истории создания будущих художественных произведений, научных изысканий, а также проблемам восприятия и оценки социально-

---

¹ Брагинская Н. В. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Вопросы литературы. 2017. № 5; Брагинская Н. В. Друзья, университет, учителя, коллеги, наука, жизнь в общем в письмах О. М. Фрейденберг // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2. № 2. С. 159–171.

² Акимова А.С. Английская тема в прозе Б.Л. Пастернака: дисс... канд. филол. наук. Москва, 2007. 174 с.; Художественный мир Л. О. Пастернака и поэтика Б. Л. Пастернака // «Объятье в тысячу охватов». Сб. мат-лов, посвящ. памяти Е. Б. Пастернака и его 90-летию. СПб.: Рус. христ. гуманитарная академия, 2013. С. 27–39.

³ Zbyrowski Z. Отношение Бориса Пастернака к литературной традиции и современности // ACTA UNIVERSITATIS LODZIENSIS FOLIA LITTERARIA ROSSICA 7, 2014.

политической атмосферы и культурной ситуации в стране. Этим обусловлена **научная новизна** настоящей работы.

Объект исследования – эпистолярное наследие Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг.

Предмет исследования – биографический, социокультурный и историко-литературный ракурсы переписки, семантика ее контекстных полей.

Цель диссертационного исследования состоит в рассмотрении переписки Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг как эго-документа и средства коммуникации, реализующегося в биографическом, социокультурном и историко-литературном аспектах эпистолярного дискурса.

Цель диссертационной работы определяют следующие **задачи**:

1) Осуществить выборку и систематизацию писем Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг по тематическому принципу.

2) Раскрыть тему семьи и дома в переписке Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг.

3) Раскрыть эволюцию культурных ценностей кузенов в переписке 1910–1950-х годов.

4) Отобразить культурно-исторический контекст переписки Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг.

5) Выявить и проанализировать историко-литературный контекст переписки.

6) Показать степень понимания участниками переписки трагизма эпохи 1920–1950-х годов.

Цели и задачи настоящей работы определили следующие **методы исследования**: биографический (Н. В. Брагинская, А. Ю. Сергеева-Клятис, И. Г. Эренбург), сравнительно-исторический (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский), культурно-исторический (П. Н. Сакулин, И. Тэн), методы

контекстуального (Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев) и концептуального (В. З. Демьянков, Д. С. Лихачев, А. К. Тентимишева) анализа. Выбор методов обусловлен тем, что при анализе эпистолярного наследия Пастернака и Фрейденберг необходимо учитывать обстоятельства их жизни, семейные ценности, мировоззренческие константы, историко-культурные и социально-политические события, на фоне которых происходило эпистолярное общение. **Биографический метод** использовался при работе над всеми главами исследования, но ключевым оказался при работе над главой I. С помощью этого метода удалось показать глубокое биографическое содержание переписки и доказать тот факт, что для ее участников многие события, решения, обстоятельства жизни определялись традициями семьи. Использование **сравнительно-исторического метода** оправдало себя в работе над главами II и III, в которых речь идет об отношении Пастернака и Фрейденберг к слову многовековой культурно-исторической парадигмы и отказу страны от достижений европейской культуры. **Культурно-исторический метод** был использован при работе над главой III, в которой литературный процесс и особенности развития литературоведения рассматриваются в рамках советского контекста. **Метод контекстуального анализа** был необходим при работе над всеми главами работы, поскольку целью исследования было выявить и проанализировать контексты переписки на всем ее протяжении. **Метод концептуального анализа** применялся с целью выявления и анализа концептов *семьи и дома, жизни и смерти, творчества и искусства*, ряда других.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно дифференцирует основные содержательные аспекты переписки между двумя знаковыми фигурами прошлого века – писателем, поэтом, переводчиком, Нобелевским лауреатом Б. Л. Пастернаком и ученым-литературоведом О. М. Фрейденберг. Теоретически значимы также актуальный

в современной науке дискурсивный подход при выделении и характеристике базовых аспектов переписки и рассмотрение последней с позиций эго-текста.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его выводов в курсах по истории литературы XX века, в ряде спецкурсов по истории русской литературы XX века, по творчеству Б. Л. Пастернака, по отечественной эпистолографии XX века, в рамках других дисциплин.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Несмотря на то, что письма Пастернака и Фрейденберг представляют собой многоаспектный континуум, эпистолярный возможно систематизировать по тематическому принципу (темы семьи, культуры, специфики историко-литературного процесса).

2. Переписка Б. Пастернака и О. Фрейденберг, содержащая значительный биографический пласт, позволяет сформировать представление о личности корреспондентов, по-новому высвечивает некоторые факты их биографии, роль семьи в становлении их характеров. Также «мысль семейная» проецируется на роман «Доктор Живаго» и позволяет понять скрытые пружины его сюжета, его идеологический пласт.

3. Переписка Б. Пастернака и О. Фрейденберг отражает систему культурных взглядов корреспондентов (приверженность к достижениям как отечественной, так и европейской культурных традиций; неприятие зависимости культуры и искусства от идеологических постулатов), а также демонстрирует их генезис и эволюцию.

4. Переписка Пастернака и Фрейденберг отразила культурный код дореволюционной России, скорректированный творческими исканиями представителей Серебряного века. В понимании корреспондентов верной, опорной была культурно-нравственная парадигма, сформировавшаяся до 1917

года и опиравшаяся как на достижения мирового культурного процесса, так и на свершения современников – писателей, поэтов и философов Серебряного века.

5. Историко-литературное содержание переписки носило категориальный характер и было обусловлено широким историко-литературным контекстом эпохи, а именно: борьбой литературных течений и направлений в русле формирования литературы советского догматизма; внедрение метода соцреализма и превращение литературы в инструмент идеологической борьбы; унификация отечественного литературного процесса.

6. Переписка Пастернака и Фрейденберг показывает постепенное формирование трагического ощущения эпохи обоими корреспондентами и понимание творческой интеллигенции как наиболее уязвимой части советского общества.

Апробация результатов исследования. Промежуточные результаты исследования озвучены автором настоящей работы на Международной научной конференции XV Виноградовские чтения Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (г. Москва, 2018 г.); на Международной научно-практической конференции «Художественный текст глазами молодых» (г. Ярославль, 2018 г.); на Международной научной конференции «Мир исследователя» (г. Москва, 2019 г.); на Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения «История и современность филологических наук» (г. Москва, 2020 г.).

Основные положения диссертационного исследования представлены автором в шести публикациях, четыре из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, который включает 187 наименований. Общий объем работы составляет 223 с. Структура

диссертационного исследования подчинена хронологическому принципу изложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** излагается история изучения переписки между Б. Л. Пастернаком и О. М. Фрейденберг; дается обзор научной литературы; обосновывается интерес к личностям корреспондентов, а также теоретическое и практическое значение работы; формулируются цели и задачи; обозначаются временные промежутки рассматриваемого эпистолярного наследия; определяются методологические основы диссертационного исследования, а также формулируются актуальность исследования, степень разработанности проблемы, ее научная новизна, объект и предмет исследования, гипотеза и основные положения, выносимые на защиту; дается информация об апробации результатов исследования.

Глава 1 «Биографический аспект переписки Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг» состоит из трех разделов.

Первый раздел – «Тема семьи и дома в переписке 1910–1920-х годов» – посвящен «мысли семейной» (Л. Н. Толстой), звучащей на начальном этапе переписки реципиентов. Тема семьи и в более широком смысле – биографический пласт эпистолярного общения Пастернака и Фрейденберг – присутствовал на протяжении всех лет их переписки, давая кузенам возможность ощущать семейное родство даже после отъезда за рубеж одних родственников и гибели других. В параграфе акцентируется понимание братом и сестрой принадлежности к единой морально-нравственной парадигме.

В рассматриваемый временной отрезок биографический аспект переписки звучал с большей остротой, чем в последующие. Причиной этого являются целостность семейств Пастернаков и Фрейденберг, которые поддерживали

регулярное общение, часто встречались, проводили время в совместных поездках, а также недолгая влюбленность корреспондентов друг в друга. В начале переписки они обсуждали совместно проведенные дни, литературные и философские произведения, подшучивали над родными. Прямолинейная Фрейденберг в этот период занимает лидирующую позицию, Пастернак же, занятый поисками своего пути, эмоционален и метафоричен. После революции в письмах возникает тема эмиграции, разлуки с родными и личного счастья.

Тема семьи неотделима в переписке этого периода от темы Москвы и Санкт-Петербурга. Сестра ассоциировалась у брата со столицей, брат у сестры – с Москвой. Трагические события 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война раскололи жизнь семей на «до» и «после». Однако именно в ранние годы переписки формировались характеры Пастернака и Фрейденберг, рождалось их творческое и научное будущее, и ключевую роль в этих процессах играли родственные узы, семейные традиции и формировавшиеся десятилетиями нормы и правила жизни членов обоих семейств.

Второй раздел – «Отражение семейных противоречий в переписке 1930–1940-х годов» – рассматривает письма сквозь призму предвоенного десятилетия и событий 1940-х годов. В переписке нашли отражение обстоятельства жизни Пастернака: его развод с Е. В. Пастернак, который родные поэта приняли с трудом, женитьба на З. Н. Нейгауз, попытки примирить женщин, чувство вины перед сыном, а затем – перед О. Ивинской.

Биографический аспект переписки брата и сестры 1930-х годов нельзя отделить от исторического контекста эпохи. Рассказывая в письмах друг другу о семейных событиях, Пастернак и Фрейденберг исходили из обстоятельств, продиктованных суровой реальностью, в том числе арестами, коснувшимися и членов семьи (родного брата Ольги Михайловны и его жены). Не все можно было говорить прямо, и это диктовало особый стиль писем, полный умолчаний

и намеков. Уже сформировавшиеся как ученый и поэт, сестра и брат на страницах писем задаются вопросом о настоящем и будущем своей семьи, страны и всего человечества.

В переписке 1940-х годов центральное место занимают рассуждения корреспондентов о тяготах военного времени. В письмах Фрейденберг первой половины 1940-х годов центральной становится тема блокадного Ленинграда. Пережившая блокаду кузина Пастернака фиксировала на страницах своих посланий брату ужасающие подробности жизни города. Ее письма этого периода представляют отдельный пласт эпистолярного наследия ученого. В них Фрейденберг предстает как многогранный публицист.

Тема войны не ограничена письмами о судьбе блокадного Ленинграда. На страницах посланий кузенов война понимается как социально-историческое зло и трагедия всемирного масштаба. В то же время, согласно видению Фрейденберг, философское осмысление причин и последствий войны может стать началом нового духовно-нравственного этапа в развитии человечества.

В третьем разделе – «Мысль семейная в переписке последних лет» – отражено, насколько неоднородной в силу значительной занятости Пастернака была переписка кузенов в 1950-х годах. На страницах писем этого периода встречаются немолодые люди, для которых душевная близость с родным человеком снова начинает играть главную роль. Пастернак интересуется здоровьем сестры, выражает родственные чувства, она поддерживает его в работе над «Доктором Живаго», ставшим в значительной мере отражением биографий самого автора, членов семей Пастернаков и Фрейденберг и людей их круга.

Переписка этого периода интересна снижением градуса категоричности Пастернака по отношению к тем, кто хотя бы единожды потерял его доверие или уважение. На страницах писем 1950-х годов он предстает не только как

знаковый писатель, поэт и переводчик, но и как человек со значительным жизненным опытом, обращающийся к прошлому и не желающий видеть в нем врагов. Отмечается, что тон его посланий становится более взвешенным и примирительным, а стиль – более легким и простым.

К первой главе сделаны следующие **выводы**: биографический аспект многолетней переписки Б. Пастернака и О. Фрейденберг представляет собой не только хронику жизни уникальных семейств Пастернаков и Фрейденбергов, но и ценное историко-литературное свидетельство. Биографический контекст переписки многоаспектен, насыщен фактами. Трагическая, переломная эпоха, в которую жили кузены, сфера их интересов и интеллигентская среда общения стали тем базисом, на котором держалась содержательность эпистолярного общения писателя и ученого.

Биографический контекст переписки проливает свет на жизнь и деятельность родных Б. Пастернака и О. Фрейденберг, как тех, кто остался на родине, так и тех, кто покинул пределы СССР и обосновался в Европе. Долгое время их имена в официальной науке были в тени, однако в настоящее время их эпистолярное наследие может стать объектом научного исследования.

Биографический пласт переписки наиболее ценен для понимания природы творчества Б. Л. Пастернака и научных интересов О. М. Фрейденберг, литературоведческие труды которой не могли найти своих читателей, исследователей и продолжателей несколько десятков лет.

Биографический ракурс изучения эпистолярия писателя и ученого дает ключ к пониманию основ творчества одного из лучших лириков XX века, к автобиографическим истокам романа «Доктор Живаго», к декодированию и дальнейшей разработке литературоведческих постулатов Фрейденберг.

Вторая глава «Культурно-исторический аспект переписки Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг», состоящая из трех параграфов, посвящена анализу культурного контекста писем Пастернака и Фрейденберг.

Первый раздел – «Вопросы культурных ценностей в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1910–1920-х годов» – раскрывает процесс формирования культурной парадигмы корреспондентов. Культурный контекст переписки Б. Пастернака и О. Фрейденберг рассматриваемого периода значителен. В это время кузены полны научных и творческих планов. Любые явления культуры для них были не только способом постижения и философского осмысления действительности, но и базовой сферой жизни.

Переписка Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1910–1920-х годов отражает процесс формирования и становления их культурных взглядов. Она интересна как самобытный опыт осмысления различных культурных систем вплоть до XX века. Обсуждая проблемы культуры, кузены сравнивали отечественную и западную литературу разных веков, считали образцовыми именно западное искусство, философию, а также западную культуру быта и сервиса. Уже в 1910–1920-е годы намечается недовольство кузенов отсутствием на родине свободы творческого самовыражения.

В письмах брата и сестры отражены их профессиональные достижения (издание произведений Пастернака, защита докторской диссертации Фрейденберг, выход ее исследования «Поэтика сюжета и жанра»). В этот период манера письма Пастернака демонстрирует тяготение к художественной речи, образной, ассоциативной, метафорической, а Фрейденберг – к точной, логической, интеллектуальной.

Второй раздел – «Отражение трагического восприятия культуры в эпистолярной (1930–е годы)» – выделяет и анализирует культурное содержание

переписки между двоюродными братом и сестрой в разрезе трагической для страны эпохи.

1930–1940-е годы в отечественной истории – время гибели надежд и террора. Власть уничтожала инакомыслящих, представителей дворянства и интеллигенции. Суровые военные годы приостановили этот процесс, однако предвоенное десятилетие нанесло непоправимый ущерб научной и культурной сферам жизни общества. Перед многими гражданами СССР остро встал выбор между жизнью и совестью, и не все сделали выбор в пользу последней.

Анализ писем данного периода показывает, что у Пастернака к этому времени сложилась собственная теория эстетических колец, согласно которой истинное произведение искусства должно «возвращать» автору часть того наслаждения, которое получил читатель. Однако культурная политика страны, по мнению поэта, творческого человека не поддерживает, а «только терпит, он как-то экстерриториален в ней» (из письма Б. Пастернака от 29.IX.1930).

Пастернак нашел компромисс между честным творчеством и жизнью в условиях тоталитарного государства. Глубокая культурная и духовная связь с Родиной, ни на минуту не допускаемая возможность эмиграции стали причиной внутренней трагедии автора. Как поэт и представитель того класса общества, который в России традиционно отождествлялся со свободой, правдой и культурой, он не мог равнодушно смотреть на социально-политическую, культурную и нравственную пропасть, в которую скатывалась Россия. Не случайно на страницах его писем возникает зашифрованный образ Благодетеля из романа Е. И. Замятина «Мы», образы Петра I и Ивана Грозного.

Эти мысли в 1930–1940-е годы звучат и в поэтическом творчестве Пастернака, и на страницах его писем. Он понимал, что прямо писать о своих взглядах было нельзя, и, приняв правила «игры», виртуозно «кодировал» в переписке с сестрой свои соображения. Однако при всем отрицательном

отношении Пастернака к советской действительности он не превратился в морального «затворника» и одиночку, не сдался обстоятельствам и отстоял свое право на творчество. Он не принимал запретов в творчестве и, размышляя о проблеме поэта и толпы, считал творчество выше мировоззрения.

Жизнь О. Фрейденберг в представленные в данном разделе годы сложилась трагичнее, чем жизнь ее знаменитого брата. Ученый так же, как и он, не принимала советскую действительность, однако не имела спасительного алгоритма ухода от нее. Она не была готова к компромиссам с эпохой и любую попытку «договориться» с ней считала нравственным преступлением. Травля в научном сообществе и родство с Пастернаком способствовали тому, что Фрейденберг оказалась вне активной культурной и общественной жизни. Нелепая, по мнению ученого, зависимость науки от политических установок окончательно отвратила сестру Пастернака от действительности. В данном разделе приводятся свидетельства тому, что столкновение эпохи и личности в случае с Фрейденберг завершилось трагически.

Письма Фрейденберг Пастернаку этого периода менее эмоциональны и откровенны, чем прежде. В 1930-х годах между кузенами наметилось некоторое охлаждение: их позиции относительно способов принятия или непринятия действительности были различны.

Трагические 1940-е годы стали для Пастернака катализатором рассуждений культурно-философского характера: о добре и зле, о праве и несправии, о жизни и смерти, о нравственном и безнравственном. Поэт достиг той степени творческой зрелости и интеллектуальной выдержанности, которые позволяли ему смотреть на жизнь с философской точки зрения. Война в понимании поэта была бесспорным злом, однако он страдал не от материальных лишений, а от невозможности полноценно отдаться творчеству.

О. Фрейденберг вместе с тяжело больной матерью не смогла покинуть блокадный Ленинград и разделила с ним годы страданий. В ее воспоминаниях и письмах предстают чудовищные картины ленинградских реалий. Богатая метафорическая стилистика и фактологическая точность позволяют отнести эти материалы одновременно к знаковым историческим документам, к честным журналистским материалам и к содержательному эпистолярию.

В этот период кузены разными путями приходят к одной мысли: отправной точкой понятия «культура» является культурный код дореволюционной России, впитавший в том числе творческие искания представителей Серебряного века. Так, понятия «советский» и «культурный» в понимании корреспондентов стали взаимоисключающими.

В переписке Пастернака и Фрейденберг конца 1940-х годов много страниц посвящено обсуждению романа «Доктор Живаго». Пастернак рассказывал, какие задачи ставил перед собой при написании произведения, какими вопросами задавался, на какие из них нашел ответы. Фрейденберг охарактеризовала роман с христианской, философской, исторической и культурной точек зрения. Она верила, что творчество брата рано или поздно перестанет быть подпольным, прославит и самого Пастернака, и страну, что все сделанное им для отечественной и мировой культуры останется в веках.

Фрейденберг в эти годы работала над архивом отца – материалами, документами, фотографиями, и рассказывала брату о том, как ей удалось систематизировать часть архива и передать его в Музей связи в Москве. Сообщая о ходе своей работы, она возвращалась к мысли о родовой культурной связи, об уникальном таланте отца, о его высочайшем культурном уровне.

Третий раздел – «Взгляды на отечественную и мировую культуру в переписке 1950-х годов» – рассматривает последний этап переписки кузенов сквозь призму культурной составляющей послевоенной жизни общества.

Последние письма брата и сестры посвящены культуре в самом широком ее понимании. Подводя жизненные итоги, Пастернак и Фрейденберг поднимали вопросы нравственной, духовной, интеллектуальной, эмоциональной, творческой культуры.

Та атмосфера, в которой родились и воспитывались брат и сестра, предполагала максимальную включенность в культурную среду, для которой А. Н. Скрябин, Л. Н. Толстой, В. А. Серов, И. И. Левитан и многие другие были не просто приметами того или иного культурного уровня, но его сутью и содержанием.

Темы творчества, искусства, культуры на этом этапе переписки были для корреспондентов значимы как никогда ранее. Все сиюминутное из жизни кузенов к данному периоду уже ушло, и культура, как когда-то в юности, стала фундаментом, на котором держалось их эпистолярное общение. Фрейденберг посвящала значительное время культурному досугу и вдумчивой научной работе. Пастернак дорабатывал роман «Доктор Живаго», шлифовал перевод «Фауста», много читал и вел переписку с большим количеством адресатов.

Культурное наполнение писем Пастернака и Фрейденберг 1940–1950-х годов, органично сочетающееся с биографическим контекстом их переписки, представляет собой некое обобщение, подведение жизненных итогов. Особенно отчетливо эта особенность проявляется в стилистике писем Фрейденберг. Как ученый и одновременно любящая сестра она осознавала, личностью какого масштаба является ее брат, и поэтому утверждала: имя Бориса Пастернака, находящееся вне категорий времени и пространства, займет достойное место в истории мировой культуры.

Глава завершается **выводами**: тема культуры в переписке Пастернака и Фрейденберг присутствовала на всем протяжении эпистолярного общения кузенов, однако в рамках каждого десятилетия имела те или иные особенности,

меняясь вместе с эпохой, системами ценностей и мировоззрением корреспондентов. От понимания культуры как незыблемой части жизни человека того слоя общества, к которому принадлежали кузены, они пришли к осознанию коренных перемен, связанных с революцией и послереволюционных реалий, которые практически уничтожили понятие «культура», а также к необходимости противостоять негативным явлениям в обществе собственным честным и прямым путем.

Третья глава «Идеологический и политический контексты переписки Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг» посвящена анализу проблемы политического и идеологического воздействия на науку и литературное творчество.

В первом разделе – «Отражение социально-политических взглядов корреспондентов в ранней переписке» – утверждается, что историко-литературный контекст переписки Пастернака и Фрейденберг отчетливо проявлялся на всем ее протяжении, однако в каждое десятилетие имел свои особенности. 1910-е годы содержат больше литературной, чем исторической и политической фактуры. Пастернак пытается аккумулировать свое творческое своеобразие на основе синтеза музыки, философии и литературы, символизма и футуризма, Фрейденберг находится во власти чувств, что определяет круг ее чтения и критического отношения к своим способностям. Однако оба кузена формировали свои взгляды в условиях творческой свободы, что впоследствии определит их идеологический выбор.

Вторая половина десятилетия, когда Фрейденберг поступила в вуз и определилась со специализацией, ознаменовалась качественными изменениями в системе отечественного образования. Если начало учебы было свободным, дававшим возможность многоплановых научных изысканий, то заканчивать обучение пришлось в период торжества рабоче-крестьянских постулатов. Для

Фрейденберг это стало первым доказательством того, что компромисс с наступившей действительностью недостижим.

Послереволюционный период ознаменовался для Пастернака подъемом душевных сил и раскрытием творческого потенциала. Несмотря на критическое отношение к новым литературным веяниям и пролетарской литературе, он был убежден, что сохранить творческую свободу возможно, что нашло отражение в его сотрудничестве с объединением ЛЕФ, издательством «Узел», в ряде писем двоюродной сестре. Однако с середины он все чаще говорил о невозможности полноценно общаться с заграничными родственниками, о пропасти между Россией и Европой, о творческой несвободе, а также о желании создать прозаическое произведение о драматической судьбе российской интеллигенции после событий 1917 года. Ключевые социально-политические и следовавшие за ними литературные события отражены в переписке Кузенов рассмотренного периода.

Во *втором разделе* главы – *«Единоборство с командно-административной системой в науке и искусстве (1930–1940-е годы)»* – анализируется литературная политика, в центре которой оказался Пастернак. В переписке он делился с сестрой соображениями о литературном генералитете, о сложной ситуации, в которой оказался. Предвоенная эпоха требовала от литераторов активного участия в строительстве нового общества. Перед ними ставились конкретные задачи, определявшиеся термином *социалистический реализм*. Начало 1930-х годов было окрашено яростной литературной борьбой, в которой Пастернак принимал деятельное участие. Роспуск РАПП и всех литературных организаций (Постановление ЦК РКБ(б) 1931 года), травля писателей и поэтов, придерживавшихся оппозиционных взглядов (А. А. Ахматова, А. Платонов, М. Булгаков и др.), организация и проведение Первого съезда советских писателей – вот те немногие события отечественной

литературы, определявшие контекст третьего десятилетия XX века. После образования Союза писателей ключевые позиции в литературе заняли чиновники (Секретариат СП), а роль цензора взял на себя Главлит. Пастернак не мог оставаться в стороне от происходящего. Если ранее он, далеко не лояльный к эпохе, все же пытался найти с ней компромисс, то уже к середине 1930-х годов осознал бессмысленность этого. Так, на получившей широкую известность дискуссии о формализме Пастернак выступил в защиту представителей данного направления. Именно с 1936 года поэт осознал ту пропасть, которая отделяла его от номенклатурной советской литературы. Этому пониманию способствовали знаменитый Минский пленум, Международный конгресс писателей в Париже, ссоры с Н. Тихоновым и А. Тарасенковым. После конфликта с последним в «Литературной газете» 16 декабря 1936 года была напечатана речь В. П. Ставского, в которой позиция Пастернака была названа антисоветской. Эта публикация положила начало множеству негативных публикаций о творчестве поэта.

В переписке конца 1940-х годов практически в каждом письме звучит мысль о печальной судьбе творческого человека в СССР, о его зависимости от социально-политической доктрины. Понимая контекст эпохи, Пастернак опирался на понятие писательского долга. Умудренные жизненным опытом Пастернак и Фрейденберг пришли к трезвому осознанию своего жизненного предназначения, поэтому работали без оглядки на идеологический контекст.

В третьем разделе – «Образ времени и творческая история романа «Доктор Живаго» в переписке 1950-х годов» – рассмотрено взаимодействие участников переписки с чиновниками от науки. Размышления Пастернака и Фрейденберг об эпохе стали особенно частыми в переписке последних лет. Это было время напряженного труда Пастернака над романом «Доктор Живаго», во время которого была арестована возлюбленная писателя О. Ивинская. Это

событие Пастернак расценил как намек власти и переживал, опасаясь за близких и за то, что его могут лишить возможности заниматься творчеством.

Анализ переписки показал, что Пастернак ожидал серьезных проблем из-за романа, был готов принимать удары судьбы, поэтому старался успеть максимально много. Он понимал, что над ним нависла угроза, что письма перлюстрируются, поэтому не демонстрировал оппозиционной идеологии, за которую в послевоенные годы его критиковали на собраниях и в прессе.

Язык умолчаний в письмах Пастернака – важная часть данного раздела диссертации. Фрейденберг была уверена, что за формулировками брата кроется нечто большее, чем согласие с сестрой по вопросам культурной и литературной политики, что, говоря об изменениях в этих сферах, он имел в виду социально-политические процессы в стране. Зная о категоричной позиции сестры по отношению к советской системе, Пастернак выражал свое согласие в характерной эзоповской манере.

Рассуждения поэта о роли литературы в формировании политической доктрины, о необходимости жить и писать без оглядки на общественно-политическую конъюнктуру стало творческим и человеческим кредо автора в данный период. Эти мысли проговаривались в письмах Н. Асееву, А. Фадееву, К. Симонову и др. Противопоставляя истинное и советское искусство, Пастернак с иронией говорил, что последнее способно только управлять, а первое мечтает стать нужным читателю (письмо Н. Асееву от 5 февр. 1953 г.).

К главе сделаны следующие **выводы**: социально-политические взгляды Пастернака и Фрейденберг на протяжении их жизни сильно эволюционировали. Если на начальном этапе переписки оба были сосредоточены на формировании собственных профессиональных интересов и в той или иной степени находились в согласии с эпохой, то уже к середине 1920-х годов в переписке стало ощущаться противостояние времени. Фрейденберг первая осознала

невозможность свободной творческой работы. Пастернак до начала 1930-х годов пытался увидеть в действительности положительные сдвиги, но после 1934 года, когда понял, что создание централизованной писательской организации уничтожит свободу творчества, пересмотр его взглядов стал стремительным. Оба участника переписки пришли к выводам о неизбежности вражды между творческим человеком и советской системой, оба чувствовали давление официальных догм в науке и творчестве и писали об этом.

Роман «Доктор Живаго» стал для кузенов глотком свободы, так как помогал реконструировать ту Россию, которая была родиной для людей их круга, создавал образ идеального поэта, далекого от политики, несущего людям красоту и жертвующего ради творчества благами цивилизованной жизни. Мысли об этом стали лейтмотивом последнего периода переписки Пастернака и Фрейденберг.

В Заключение подведены итоги диссертационного исследования.

Переписка Пастернака и Фрейденберг представляет собой универсальное многосоставное целое, где темы семьи, дома, культуры и политики переплетены и трудно делимы. Однако в итоге серьезной выборки писем и их систематизации удалось выделить наиболее характерные и значимые для корреспондентов темы, которые дают представление об их характерах, мировоззрении и отношении к действительности.

Анализ переписки позволил раскрыть тему семьи, прояснить биографические факты, многие из которых становятся понятны благодаря сопоставлению с широким общественно-политическим и культурным контекстом. Биографический контекст переписки был особенно силен на начальном ее этапе, а также в послевоенные годы. Он ценен для понимания научных интересов О. Фрейденберг и истоков творчества Б. Пастернака: роли родителей, друзей, педагогов в становлении его личности. Письма реципиентов

показаны как отражение бытовой сферы их жизни, как средоточие эмоциональной составляющей, духовных ресурсов.

Выделение и анализ культурного пласта переписки позволили выявить их взгляды в данной области. Образованные и приобщенные к отечественной и европейской культуре Пастернак и Фрейденберг в условиях советской действительности в качестве образцового избрали для себя культурный код дореволюционной России. Он был близок обоим, поскольку брат и сестра были воспитаны на классических образцах отечественной музыки, живописи, литературы. Однако большое влияние на Пастернака оказала культура Серебряного века. Участие в собраниях символистов, дружба с футуристами В. Маяковским и С. Бобровым сказались на творческой манере Пастернака, что нашло отражение и в переписке с Фрейденберг.

Фрейденберг и Пастернак считали, что культура не может состояться без нравственной основы и опоры на достижения предшествующих эпох. Однако творческий человек в Советском Союзе был помещен в иную систему координат, где партийно-номенклатурный подход распространялся и на сферу культуры. Именно поэтому советскую культуру брат и сестра не приняли, понимая ее как регрессивную и идеологически обусловленную, что нашло отражение и в письмах Пастернака иным корреспондентам.

Многие факты и ситуации в рамках переписки возводятся в философские категории жизни и смерти, специфики человеческого существования, предназначения творческого человека и способности правильно распорядиться своим даром. В письмах рассуждения подобного характера обобщаются, однако не имеют, как в литературном произведении, художественной условности.

Переписка Пастернака и Фрейденберг носит категориальный характер. Это касается прежде всего посланий 1930–1940-х годов. Историко-литературный контекст эпистолярного общения ученого и поэта в эти

десятилетия в большей степени, чем в иные, насыщен философскими обобщениями, ощущениями нравственного и культурного слома. Но при публицистичности и даже художественности стиля Пастернака и Фрейденберг содержание их переписки конкретно и фактографично.

Настоящая работа способствовала осмыслению эпистолярного наследия Пастернака и Фрейденберг в рамках традиционного для интеллигенции коммуникативного контекста. С этой целью на страницах диссертационного исследования приводится переписка Б. Пастернака с другими адресатами – родителями, сестрами, женами, друзьями, коллегами по литературному цеху.

Эпистолярное наследие Б. Пастернака и О. Фрейденберг – достойный предмет изучения литературоведов и ученых смежных специальностей. Уникальная и многоплановая переписка открыта для изучения литературоведами, лингвистами, психологами, историками. Перспективы ее дальнейшего литературоведческого исследования – в выделении и концептуальном анализе таких ее смысловых полей, как мотивы и образы Серебряного века, концепты жизни, смерти, войны, образ Москвы и т. д.

Основные результаты и научные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ

1. Микурова П. Л. Тема блокадного Ленинграда в письмах О.М. Фрейденберг Б. Л. Пастернаку первой половины 1940-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 1. С. 144–148.

2. Микурова П. Л. Образ России в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1920–30-х годов // Вестник Марийского государственного университета. 2020. № 2. С.197–202.
3. Микурова П. Л. «Мысль семейная» в переписке Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг 1910–20-х годов // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2. С. 102–107.
4. Микурова П. Л., Матвеева И. И. «Речь, состоящая из молчания»: Б. Пастернак на Парижском конгрессе 1935 года // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 1. С. 149–157.

Публикации в других научных изданиях:

5. Микурова П. Л., Матвеева И. И. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг в 1930–1940-х годах // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 2. С. 50–57.
6. Микурова П. Л. Философское содержание переписки Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг 30-40-х годов XX века // Художественный текст глазами молодых: материалы конференции. Ярославль: ЯрГУ. 2019. С. 145–148.